

Тов. К. пишет:

Да, я поэт! Но нет мне званья,
Я зародился, не как они!
С любовью страстно страдаю
Я провожу с тетрадью дни!

И дальше всяческая чепуха с «Рос-
сией», «народом», «осенью», и «днесью».
Это пишет молодежь в наши дни, когда
жизнь кипит, когда идет борьба и строй-
ка, когда мы вступили в третий год пя-
тилетки!

Встречается и совсем бессмысленное,
рабское подражание:

По диким степям Горестана,
Где козы скитались одни,
Стояла высоко осина,
Под ней ночевали они.

Учиться у классиков — это не значит
рабски подражать им; мы учимся у них,
чтобы преодолеть их и идти дальше.
Для этого их нужно знать. Техническим
приемам, уменью типизировать явления,
рассказывать, как одно положение выте-
кает из другого, зарисовкам картин,
экономии словесного материала — вот
чему мы должны учиться у классиков.

Подражание вообще свойственно на-
чинающим, с этого они обычно и начи-
нают свое творчество, но рабски подра-
жать ни близким нам по настроению,
ни далеким образцам нельзя.

Встречаются в творчестве начинаю-
щих и самостоятельные, хорошие стро-
фы, например:

И басистый, красноносый дьякон
Средь толпы послушных поселян,
Панихиду коротко отбрыкав,
Набивал подачками карман!

Прислушиваясь к живой речи, черпая
из нее запас слов, пытливо всматриваясь
в окружающую нас жизнь, нужно из нее
брать материал для своего творчества.
Рабочие и колхозники живут в самом
центре строительства, художественно по-
давая материал, они могут дать много
нового и формировать психику читателя
в нужном нам направлении.

Больше вдумчивости и серьезного от-
ношения к литературному труду, боль-
ше ответственности! Первые шаги всег-
да робки и неудачны, это не должно сму-
щать начинающих. Только необходимо
помнить всегда, что каждому ремеслу
нужно учиться. Д. Бедный говорит:

«Самое высокое вдохновение может
остаться немым, безгласным, будучи свя-
зано отсутствием технической выучки.
Но эта выучка приобретается непосред-
ственно в работе. Работайте, пишите, ко-
риво по-началу, но пишите».

Е. ГИБЕТ

Письма начинающих

Нет ни одного стихотворения или рас-
сказа, присылаемого в редакцию, кото-
рый не сопровождался бы письмом или
авторской припиской.

Если в творческой продукции начина-
ющих неизбежна подражательность, не-
четкость идейно-целевых установок и
частое захлестывание содержания непре-
одоленной формой, то в письмах чув-
ства и мысли автора определяются бо-
лее понятно и связно.

В письмах большинство авторов дает
биографические справки, сообщает о
своих планах и взглядах на писатель-
скую деятельность. Иногда в этих взгля-
дах проступают простодушие и наив-
ность, а порой совершенно неправиль-
ные представления о социальном назна-
чении как литературы, так и самого пи-
сателя.

В настоящей статье мы имеем в виду
сделать несколько замечаний по поводу
этой наивности и нездоровых тенденций,
которые проскальзывают в письмах на-
чинающих.

Есть письма, которые принадлежат ав-
торам слишком юным и недостаточно
развитым, но, очевидно, где-то в кружке
уже получившим одобрение за то или
иное свое произведение. Там есть до
крайности жалобные и по-детски наив-
ные сообщения о себе.

Вот письмо, которое однажды цити-
ровал т. Батрак¹:

«Я один из писателей, которого пре-
зирают везде. Жизнь, которую я хотел,
обошла меня, и теперь я, осиротевший,
погибаю в нищете. От роду мне всего
19 лет. Крестьянин, беспартийный, бед-

¹ «Земля советская».

няк. В хозяйстве всего одна хата да павун, да мявун. До сего времени ни один рассказ не напечатан, потому что презирают меня. Сажу на печке вместе с маленькими детьми, лью слезы от горя, которое окружило меня. Дышу спертым воздухом, кубыряюсь с голыми детишками... Неужели мне, самородку, придется век находиться в такой обстановке»¹.

Другой пишет приблизительно в том же духе:

«Работать нигде не работаю, так как окружающие занятия меня не удовлетворяют. Посылал рассказ — не печатают. Ослаб физически. Волнуюсь над жизнью. Живу на забытом хуторке Смоличевом, в хатенке с одним окошком у людей добрых»².

Все беды обоих авторов вытекают из одного неправильного убеждения, что они люди исключительные: один «самородок», а другого не удовлетворяет окружающая деятельность, то есть он создан только для того, чтобы быть писателем.

Быть самородком, по убеждению этих товарищей — дело простое: нужно написать спрехвала, что в голову придет, и послать в редакцию. Если же очень слабые и наивные произведения их не печатают, то они решают, что их кругом «презирают», тогда они «кубыряются на печке с малыми ребятами», «льют слезы», «волнуются над жизнью», «слабеют физически» и посылают горькие письма в ту же редакцию.

Начинающему советскому писателю с первых шагов следует твердо усвоить, что теория «самородков» есть теория вредная, буржуазная. Она легко вяжется с тем старым, идеалистическим утверждением, что

Поэт — избранник неба,
Глашатай истин вековых³.

что талант есть искра божия».

Никакие исключительные способности не создадут хотя бы грошевой ценности, если обладатель этих способностей будет «кубыряться на печке», за трубой, не учась и не трудясь.

Для того чтобы стать отличным хирургом, надо учиться несколько лет в университете и несколько лет под руко-

¹ И. Г.—в. Орловский округ.

² И. В. З.—в. Северо-кавказский край, Майкопский округ.

³ Н. А. Некрасов. «Поэт и гражданин».

водством профессора практиковаться; столько же надо учиться, чтобы уметь строить мосты и заводы.

Темные, невежественные люди, вместо хирурга, пользуются услугами знахарей. Начинаящий писатель, который затвердил себе, что он самородок, обещает превратиться в литературного знахаря, самосильного литературного коновала, если не будет учиться. Писатель должен учиться долго и непрерывно, учиться даже тогда, когда он стал уже знаменит и книги его читают с увлечением. Писатель должен знать больше читателя, и всякое явление подметить и оценить прежде всех. Если же писатель перестанет развиваться и работать над собой, то его перегонят другие. Он будет позабыт. Отсюда ясно, насколько важны труд и учеба такого писателя, который делает первые творческие шаги, но ни разу еще не печатался.

Общественная деятельность и книги, тесная связь с массами и внимательная работа над замыслами — вот школа писателя. Все скитания среди людей, непрерывный труд и неразлучные книги Горький назвал «Мои университеты». Английский философ и ученый Джон Стюарт Милль говорил, что гениальность — это упорный, все преодолевающий труд. Французский ученый Жюль Пейо утверждал, что гениальность — это непрерывное усилие. Никто и никогда не говорил, чтобы настоящие художественные произведения являлись в результате полусонного прозябания.

Есть письма, по которым можно судить, что автор считает печать средством легкого заработка и славы. Он прилагает сборник стихов, написанный с одного присеста, без единой пометки, с посвящением какой-нибудь Кате или Наде. В письме дается автобиография, фотографическая карточка и безусловный наказ выслать 50 экземпляров будущей книжки для распространения среди знакомых. Здесь наивность перемешана с нездоровыми задатками рвачества, тщеславия и грубой демагогии.

«Как хотите, но в августе я приеду к Вам лично, нет сил дальше откладывать: скоро мне 25 лет, когда художник и работник науки имеет полный расцвет. Богемы я не боюсь. Неужели Вы откажете, и я уйду ни с чем, как легко-

мысленный юноша, приехавший за славой и червонцами. Это будет нечуткий, формальный подход»¹.

«Если желаете спасти меня от самоубийства, — пишет другой, — то вышлите рублей 200»².

Писатели, которые с первого слова своего произведения помышляют о славе и червонцах, не знают, очевидно, что литература в первую очередь есть орудие классовой борьбы, а не средство обогащения. Если мы вспомним биографии таких людей, как Радищев, Чернышевский, Белинский, Г. Успенский, М. Горький, Демьян Бедный, Серафимович и др., то поймем, что литературное творчество было для них не средством наживы и славы, а орудием борьбы за передовые идеи своего времени, борьбы против бесправия, гнета и эксплуатации.

Часто за свое творчество они получали не червонцы, а каземат и ссылку. Ишли на вызов против самовласти сознательно, с учетом последствий (Радищев за книгу, направленную против крепостного права, был осужден на смертную казнь, а Чернышевский за статью такого же порядка был приговорен к заключению на 13 лет).

Десятки тысяч рабкоров и селькоров Советской страны пишут заметки всего в несколько строк только для того, чтобы изобличить врагов республики. Эти авторы имеют в виду не личную корысть, а успех и благополучие всей страны. Они рискуют и часто платятся жизнью за эти заметки, потому что борьбу с классовым врагом через газету считают высшим гражданским долгом, а смерть во имя этой борьбы величайшим подвигом и славой для себя.

Какая огромная разница между селькором, который пишет заметку, зная, что его ждет пуля из обреза, и автором следующего письма:

«Если рассказ не годен для печати, то не годен я для жизни. Тогда пусть кипящая кровь примет горячий свинец»³.

У селькора цель заметки — сломить врага, у автора приведенных строк увидеть рассказ со своей подписью.

Он обещает расстаться с жизнью не ради общественных интересов, а только

из-за личной неудачи. Такие поступки может породить глухой мещанский быт, жалкая узость взглядов и абсолютная политическая отсталость. Если т. В. К—в. желает когда-нибудь увидеть свои рассказы в печати, то он должен в первую очередь порвать с непроходимо глухим и затхлым бытом и взглядами мещан, обывателей, где всяческие личные неудачи кончаются свинцом и глотанием иголок.

Категория начинающих, которая преследует в литературной деятельности червонцы и славу, на всякие советы и разъяснения обычно гордо отмахивается:

«Товарищ К—в!

Прочтя Ваш отзыв на мои стихи, я встретил литературную грубость, проявившую на мои стихи; я не ожидал, чтобы писатель Советской страны обращал на себя внимание, как товарищ К—в. Так как я, кажется, предварял вас письмом, что мне нужна не правильность стихов, а жизнь, которая бы удовлетворяла мои запросы. Если бы я был культурным, каким бы Вы хотели, то я бы не дал ни одной строчки Вашему лицемерному карандашу. Мне только хотелось узнать, как относится советский писатель к комсомольцу-самородку»¹.

Откуда можно заключить, что человек, не умеющий грамотно выразить свою мысль, самородок?

Автор кроме того злоупотребляет званием комсомольца; он думает, что всего этого уже достаточно, чтобы устроить беспечную, хорошую жизнь. Чванство и рвачество проскальзывает в этом письме достаточно ясно и неприглядно.

В лучшем случае подобное отношение к печати — плод возрастной и гражданской незрелости. Через несколько лет культурной и сознательной жизни авторы подобных писем будут думать о них со стыдом.

Но и среди писателей обещающих, политически сформировавшихся, есть категория, судя по письмам, слишком самонадеянных. После первой напечатанной вещицы они пишут:

«Если я теперь не поеду в Москву, то ничего не остается, как заканчивать мукомольный техникум. Это два года. Мои способности заглухнут, стремления угаснут. Я выйду спецом по мельничному делу, а не писателем»².

¹ Гр—н. Город Шахты.

² Г. А. Петропавловский округ, Казакстан.

³ К. К—в. Савеловская ж. д., ст. Катуар.

¹ Сем—н. Москва, Воронцовская.

² К. Шперин. Село Бедярыш, Уральской обл.

Еще письмо подобного же рода:

«Сейчас я работаю таксатором по размежеванию лесных массивов. Общество мое очень скучное и довольно простое. Если бы мою вещь напечатали, то я приехал бы в Москву и всецело отдался литературному труду. Мне хочется окунуться в волны столичной жизни и наблюдать разнообразные слои общества»¹.

Здесь мы имеем дело с другим глубоким заблуждением начинающих: они считают литературу узко профессиональным, комнатным занятием, для которого надо сейчас же бросить всякое другое полезное дело.

Что было бы, если бы все решительно писатели изображали только «разнообразные слои» московского общества? Получилась бы непроходимая скука и пустота. Литература питается как раз фактами такой действительности, которую наблюдает не всякий; наиболее интересны книги о людях простых, неизвестных.

Решетников прогремел в свое время на всю Россию главным образом потому, что описал полудикую, забытую деревню Подлиповку.

Авторы, которых мы выше цитировали, может быть, потому и печатались два-три раза, что описывали малоизвестные в литературе области социалистического строительства: мукомольное дело и лесные разработки.

Знание практического дела не только дает писателю богатый материал для творчества, но и помогает прочно стоять на ногах в случае литературных неудач и длительных перерывов в печатании.

А. П. Чехов очень скоро приобрел литературный успех. Его мелкие рассказы печатали в любом юмористическом журнале, когда он был еще студентом медицинского факультета. Чехов университет не бросил. Больше того, когда уже издавались книги его рассказов, он все же прибил к дверям квартиры медную пластинку: «Доктор А. П. Чехов». Писатель не оставлял мысли заниматься медицинской практикой.

Педагогические статьи Л. Толстого и его детские рассказы появились в результате того, что Л. Толстой организо-

вал в Ясной Поляне школу и занимался в ней.

Любой интересный писатель, помимо литературного мастерства, владел какой-нибудь другой профессией, а помимо того, интересовался науками далеко не литературными. Фонвизин был дипломат, Крылов — библиотечарь, Пушкин и Карамзин — историки, Ломоносов был физик, знал стекольное и мозаичное производство. Итальянский художник Леонардо да-Винчи был военный инженер-конструктор, анатом, архитектор, химик.

Неудивительно, что заброшенная учеба, покинутая профессия и опрометчивое переселение в Москву часто калечат молодое дарование. Безденежье и бездомье подвигает таких людей на сомнительные поступки и попрошайничество.

Дело кончается упадочничеством. Начинается преднамеренное, с вызовом, подражание Есенину, особенно в той части, где этот поэт прославился как хулиган и трактирный завсегдатай. Пишутся фальшивые, дешевые выкрики:

Сердце, как измызганная сука,
Под похабную песнь проститутки
С отвергнутой стервой живу.

Такой поэт или ломается, или не живет, а нравственно умер уже.

У М. Горького недавно была заметка про книгу Гудка-Еремеева («Донбасс героический»).

«Автор этой книги,—говорит М. Горький,—не очень грамотен: он сам понимает, насколько важен этот недостаток, понимает, что надобно учиться, и хочет учиться, но когда ему редакция журнала «Наши достижения» предложила «Приезжайте в Москву, товарищ, устроим на литфак», он ответил: «Родимые товарищи! — не могу. У нас прорыв, если уеду, буду считать себя дезертиром»¹.

Гудок-Еремеев понимает, что производство — это три четверти его дела, а остальное литература. Он знает, что без производства не было бы и его книги.

«Этот поступок,—продолжает М. Горький,—достаточно ясно говорит о том, что за человек Гудок-Еремеев, шахтер, рабкор, один из бойцов нашей огромной армии рабкоров. Языком Еремеева говорит не литератор, а передовой человек рабочей массы».

¹ Очерк Горького. «Известия», 1931 г., 1 февраля.

¹ Гав—ов. Вост. Сибирь.

В заключение следует отметить несомненный факт, что все настроения, о которых была речь выше, отходят в область бесповоротного прошлого.

Если начинающий писатель наших дней технически слаб и беспомощен, то политически он вырос огромно. Дикое чудачество, капризы и корыстные соображения становятся с каждой неделей и каждым письмом все реже и реже. Этот сдвиг следует отнести, конечно, за счет могучего и неотступного движения культурной революции, за счет реконструкции народного хозяйства, за счет темпов строительства. Селькоры, которые два года тому назад ютились «в хатенке с одним окном, у людей добрых», теперь вовлечены в коллективный труд на земельных массивах и гигантах социалистической индустрии. Дух ударничества и соцсоревнования перерождает «печную» психологию в корне и бесповоротно.

В деле перевоспитания молодых авторов не малую роль играют также стенная газета, литкружок, литбригада и литературные консультации, потому что задачами литконсультаций являются не только руководство и наставления по методике технической грамоты, но в первую очередь воспитание политическое, идейное.

Постепенно эти организации приобретают (и должны приобрести) настолько большое доверие, что к ним обращаются не только с произведениями, а просто с письмами, где писатель делится своими мыслями, чувствами и разными житейскими соображениями.

Вот примеры писем начинающих авторов, которые поняли задачи и ответственность писательского дела:

«Тов. редактор.

Посылаю Вам первое свое произведение. Для меня это боязливый и нерешительный шаг. Дело это для меня ново и желательно.

Если напечатать мои стихи не удастся, то прошу указать недостатки. Я знаю, что с этим я немного запоздал, но работы по коллективизации непочтый край»¹.

¹ Зубков. Г. Нальчик, село Заюково, Баксанстрой.

Еще пример:

«Уважаемые товарищи!

Я из деревни Н.-В. края, где сейчас расцветает новая культурная масса. Как беспризорник, я раньше не имел мировоззрения, но теперь изучаю классиков и всматриваюсь в жизнь, в каждую мелочь, из чего в конце концов можно сформировать одно целое — марксистское мировоззрение. Я сейчас усиленно читаю книги Горького, потому что жизнь его подобна моей, и у него буду учиться»¹.

Нужно воспитывать в себе навыки к упорному труду и борьбе. Никогда не терять бодрости. Тогда всякое дело будет спориться и принесет зрелый плод.

На втором расширенном пленуме ВОПКП (январь 1931 г.) делегаты Белоруссии говорили:

«У нас, товарищи, есть много хороших книг таких писателей, которые только после гражданской войны прошли ликбез».

Нужно ли напоминать, что десятки тысяч людей, которые 6 лет тому назад были пастухами или раздували кузнечные меха, теперь становятся агрономами, врачами, инженерами и учителями!

Только теперь и только в нашей стране можно учиться и расти.

В. ЛЮБИМОВ

¹ А. Пучиндин. Н.-В. край.

Рабочий призыв

Сдан в печать и в ближайшее время выходит второй сборник рабочих ударников «Рабочий призыв».

Во второй сборник вошли рассказы, очерки и стихи, 29 рабочих авторов, половина которых привлечена из промышленных районов провинции.

Кроме того, впервые привлечены ударники-красноармейцы.

Тематика. Заводская: «Записки ударника» — И. Шагалова, «Тревога» — Д. Сангарского, «Обгон» — В. Куконова и др.; колхозная: «Колесо вертелось» — Н. Воробьева, «Письмо колхозника» — Р. Трофимова; красноармейская: «Пулеметчик» — Слесаренко, «Корабли рапортуют» — А. Уварова и др.